
ЭТЮДЫ ОБ УЧЁНЫХ

“НЕТ, ОЧЕВИДНО, НЕ ТАКОВА МОЯ НАТУРА”

К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Ф.Г. ДОБРЖАНСКОГО

© 2025 г. М.Б. Конашев^{а,*}

^аСанкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН,
Санкт-Петербург, Россия

*E-mail: mbkonashev@mail.ru

Поступила в редакцию 28.10.2024 г.

После доработки 24.12.2024 г.

Принята к публикации 03.02.2025 г.

Отечественные и зарубежные архивные материалы отражают огромный вклад русского и американского генетика, эволюциониста и гуманиста Ф.Г. Добржанского в развитие эволюционной биологии XX в., в первую очередь генетики и синтетической теории эволюции. Не менее интересна многогранная личность учёного: его мировоззрение и вера, культурные интересы, убеждения и политические взгляды, его мнение о коллегах, исторических и политических деятелях, эмигрантах из царской России и СССР, которых он встречал в США и других странах во время экспедиций и рабочих поездок. Особо подчёркивается его отношение к родине, восприятие научных и политических событий в СССР и других странах в контексте отечественной и мировой истории.

Ключевые слова: Ф.Г. Добржанский, генетика, эволюционная теория, эмиграция, русское зарубежье, история науки.

DOI: 10.31857/S0869587325030094, EDN: CUIHNM

Феодосий Григорьевич Добржанский (1900–1975) — выдающийся генетик, эволюционист и гуманист. После выхода публикаций, приуроченных к 100-летию со дня его рождения [1–3], многие аспекты его научной деятельности привлекли внимание исследователей [4–13]. Была обнародована переписка Ф.Г. Добржанского с советскими генетиками и другими биологами [14, 15], дана характеристика его личного архива, хранящегося в Библиотеке Американского философского общества, в том числе дневника [16]. С тех пор представление об учёном, его вкладе в генетику и эволюционную теорию и о той исторической эпохе, в которой ему довелось жить и творить, стало полнее и многограннее.

Мальчик с Лукьяновки. В дневнике, который Добржанский вёл с перерывами всю свою жизнь, в основном в экспедициях и различных поездках, он не раз писал о своей судьбе как о невероятно счастливой удаче мальчика с Лукьяновки. Приведём запись от 1 марта 1971 г., сделанную на вилле

Феодосий Григорьевич Добржанский (1900–1975)

КОНАШЕВ Михаил Борисович — кандидат биологических наук, доктор философских наук, главный научный сотрудник СПбФ ИИЕТ РАН.

жены его ученика Ф. Айалы: “Мальчик с Лукиановки из Киева и беспочвенный эмигрант из России в Америку вдруг оказался, временно конечно, в положении нормальном для миллионеров!”. Похожую фразу он записал 11 марта 1975 г. в Париже в гостях у французского генетика К. Пети: “What a phantastic situation для мальчика с Лукиановки!” [17].

Впрочем, его жизненный и научный путь может быть назван как фантастическим, так и уникальным. Ф.Г. Добржанский родился 12 (25) января 1900 г. в г. Немиров, Подольской губернии Российской империи (в советский период — Винницкая область УССР). Его отец, Григорий Карлович Добржанский (1861–1918), родом из семьи мелкопоместных польских землевладельцев, был учителем математики в начальных классах русской мужской гимназии, а мать, Софья Васильевна Войнарская (1864–1920), из семьи священнослужителя, была дальней родственницей Ф.М. Достоевского. В 1909 г. Феодосий поступил в первый класс гимназии в Немирове. В 1910 г. семья переехала в Киев, где он учился в 6-й Киевской гимназии, а в 1917 г. поступил на естественное отделение физико-математического факультета Киевского университета (Университет св. Владимира, с 1920 г. — Высший институт народного образования). Учёбу Добржанский завершил в 1921 г., успешно сдав все экзамены, но, как он утверждал в своих воспоминаниях [18, с. 104], документа об окончании университета не получил. Ещё студентом он стал научным работником и преподавателем, но оклады были невысокие, и ему, как и многим, приходилось подрабатывать.

В 1918–1919 гг. он был ассистентом академика В.И. Вернадского во Всеукраинской академии наук (ВУАН) и с 1919 г. — зоологом Зоологического музея ВУАН. В 1919 г. он, кроме того, преподавал на нулевом семестре Киевского университета, в 1919–1920 гг. состоял ассистентом Одесского сельскохозяйственного института, а с 1920 г. — преподавателем Киевского политехнического института (КПИ). При этом в 1921–1924 гг. Феодосий Григорьевич числился аспирантом при кафедре зоологии КПИ. С 1922 по 1923 г. он преподавал на рабфаке КПИ и читал лекции по биологии в Киевском педагогическом институте. Помимо этого, с 1922 г. Добржанский был учёным сотрудником Всероссийского сельскохозяйственного учёного комитета и Московского института экспериментальной зоологии. В январе 1924 г. по приглашению Ю.А. Филипченко, заведующего первой в стране кафедрой генетики Петроградского государственного университета, он переехал в Петроград и с 1924 по 1927 г. служил ассистентом на этой кафедре, а в 1925–1927 гг. ещё и учёным специалистом Бюро евгеники и генетики (с 1927 г. — Отдел генетики) Комиссии по изучению естественных производительных сил (КЕПС) АН СССР.

В 1927 г. по инициативе и при содействии Ю.А. Филипченко Добржанский был командирован в США, где с 1928 по 1929 г. проходил стажировку в лаборатории Т.Г. Моргана в Колумбийском университете в Нью-Йорке в качестве рокфеллеровского стипендиата. В 1929 г. он был назначен ассистентом (сначала временно) по курсу генетики в Калифорнийском технологическом институте, куда последовал за Морганом. Добржанскому удалось продлить срок своего пребывания в США до 27 июня 1929 г., а затем ещё примерно на год — до 1 апреля 1930 г. С мая 1930 г. по июнь 1931 г. он стал готовиться к возвращению в СССР и подыскивал новую работу. Но после письма Н.И. Вавилова от 11 июня 1931 г., в котором тот, приглашая Добржанского на работу, своеобразным эзоповым языком дал ему понять, что возвращаться не следует [19, с. 184], он решил остаться в США и стал невозвращенцем.

Дорога на родину оказалась для Ф.Г. Добржанского закрыта навсегда. В 1963 г. он предпринял первую попытку приехать в СССР и получил первый отказ. В официальном письме начальника Иностранного отдела АН СССР С.Г. Корнеева говорилось, что, поскольку интересы Добржанского связаны с вопросами, которыми советские генетики мало занимаются, нет возможности организовать такую поездку в СССР, “которая могла бы быть для него интересной и полезной” [15, с. 41]. В 1969 г. — ещё одна попытка вернуться для чтения лекций, и вновь отказ. После этого надежды попасть на родину у него почти не осталось, хотя друзья уверяли его, что не всё потеряно. 16 сентября 1973 г. Ю.Я. Керкис писал: “Мы с Вами ещё проживём достаточно, чтобы увидеться на следующем конгрессе в Москве обязательно!!!” [15, с. 165]. Но во время XIII Международного генетического конгресса 1973 г. в Беркли (США) Добржанский с горечью написал в дневнике 24–27 августа: “Академик Беляев, которого я пригласил на лекцию в Spengler’s, явно дал понять, что на визит в Россию у меня не может быть надежды. Турбин, председатель Генетического общества, наоборот, говорил, что на следующем конгрессе, который соберётся в Москве, не будет никаких ограничений, и я там могу быть. Но... во-первых, это будет через 5 лет, и этот срок я, почти наверное, не проживу. Во-вторых, вряд ли сам Турбин имеет полномочия давать такие обещания. В-третьих, за 5 лет всё может перемениться, и доступ в Россию может быть либо совершенно открыт, либо совершенно закрыт. Но ни Турбин, ни кто другой меня не пригласили на приём в советском консульстве в Сан-Франциско...” [17].

Накануне 70-летия Ф.Г. Добржанского Б.Л. Астауров, Д.К. Беляев, Ю.Я. Керкис, Н.П. Дубинин и другие биологи поздравили его с юбилеем. Одни, например, С.И. Алиханян, ограничились телеграммой на английском, другие, как Б.Л. Астауров, прислали письма на русском и английском языках [15, с. 278].

Кафедра зоологии Киевского политехнического института. 1923 г.
Нижний ряд слева направо: М.М. Левит, Ф.Г. Добржанский, А.Г. Лебедев, Грезе, Г.И. Шпет; верхний ряд: слева С. Иванов, справа Ю.Я. Керкис

Кафедра генетики Ленинградского университета. Январь 1927 г.
Нижний ряд слева направо: Е.П. Гагейзель (Раджабли), Ю.А. Филипченко, Н.П. Добржанская (Сиверцева); верхний ряд слева направо: Ю.Я. Керкис, Г.И. Шпет, С. Иванов, Ф.Г. Добржанский, Т.К. Лепин, Ю.Л. Горошенко, М.М. Левит

Однако никаких, даже кратких, заметок в советской научной периодике, посвящённых этому событию, конечно, не было.

Больше всего Добржанский мечтал о переводе своих монографий на русский язык, но в советское время это оказалось неосуществимым. Сначала уже готовый типографский набор перевода его книги “Genetics and the Origin of Species” был рассыпан вместе с набором книги “Биология и марксизм” М. Пренана, члена центрального комитета Французской коммунистической партии [20, с. 168]. Потом о подобном проекте не осмеливались даже заговаривать, а если и осмеливались, то разговорами всё и заканчивалось [21, с. 382, 383].

Но и в США внешне благополучная карьера Ф.Г. Добржанского складывалась не без сложностей и тревожений. Жена Наталья Петровна (в девичестве Сиверцева) долгое время была его основным техническим помощником и секретарём, но семейная жизнь, особенно с 1950-х годов, не всегда была безоблачной. В 1936 г. Добржанский стал профессором генетики в Калифорнийском технологическом институте и получил гражданство США. Повышению в должности предшествовали переговоры с Дж.Т. Паттерсоном, который предложил ему должность профессора Техасского университета, с М. Демерецем, у которого появилась вакантная позиция в Институте Карнеги в Колд Спринг Харборе, и с Т.Г. Морганом, желавшим удержать Добржанского [22]. Приняв в итоге предложение последнего, учёный неожиданно для себя обнаружил, что А. Стертевант, которого он считал своим другом, этому вовсе не рад [18, с. 386, 387]. Причина заключалась не в английском снобизме Стертеванта, как предполагал Добржанский [18, с. 274, 275] (хотя, возможно, снобизм тоже имел место), а в том, что Феодосий Григорьевич собирался изучать генетическую изменчивость природных популяций дрозофилы, что требовало не только новых методов, но и гораздо больших технических и финансовых ресурсов, а Стертевант был приверженцем исключительно экспериментального лабораторного подхода. Таким образом, их интересы и стратегии оказались в противоречии [23, с. 52, 53]. Сложившаяся ситуация для Добржанского была невыносима и, хоть и не сразу, ему удалось сменить место работы, став профессором Колумбийского университета в 1940 г.

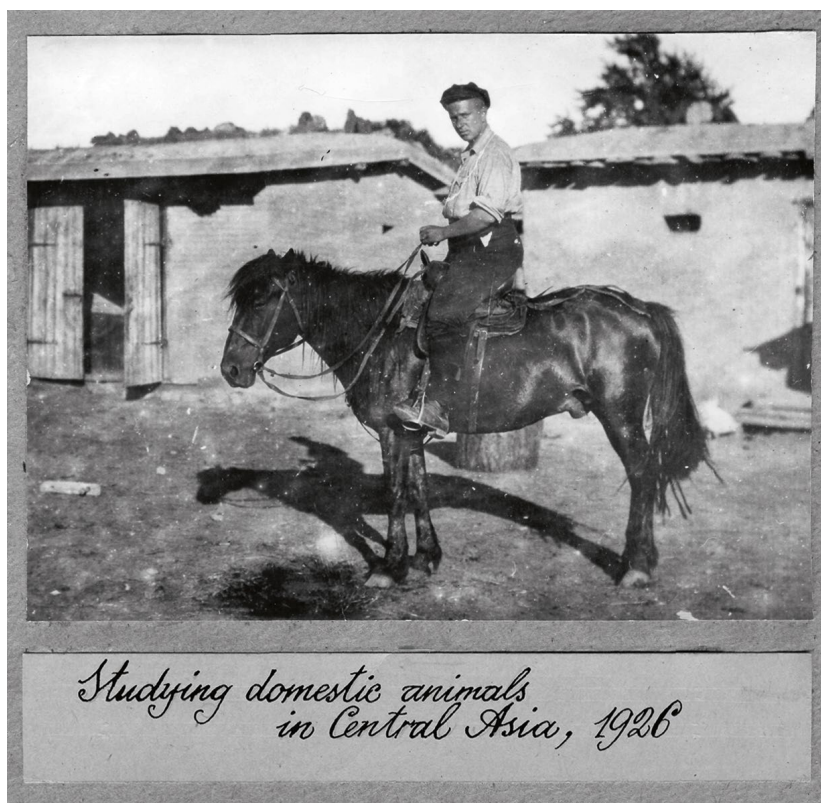
Два десятилетия в относительно хороших условиях и спокойной атмосфере закончились с началом эры молекулярной биологии. С 1962 по 1970 г. Добржанский — профессор в Институте Рокфеллера, а с 1970 г. — заслуженный профессор в отставке. Но и это десятилетие, и последние пять лет его жизни были полны разных коллизий и разочарований. С 1971 г. он получил звание адъюнкт-профессора Калифорнийского университета в Дэвисе. В ходе планового медицинского осмотра в 1968 г. было обнаружено, что учёный страдает хроническим

лимфолейкозом. Ему было отпущено всего семь с половиной лет. Скончался он 18 декабря 1975 г., но даже накануне своего ухода присутствовал в лаборатории [23, с. 165].

Союз энтомологии и генетики. Ещё юношей Ф.Г. Добржанский увлёкся энтомологией и уже в 17 лет опубликовал свою первую научную работу с описанием нового вида божьих коровок из окрестностей Киева [24]. В последующие годы он продолжил изучать систематику, географическую изменчивость и полиморфизм кокциnellид [25, 26], в том числе представителей энтомофауны Северной Америки [27]. Одновременно он провёл первые в России эксперименты по плейотропии генов у дрозофилы [28, 29]. Он принимал участие в зоотехнических экспедициях КЕПС АН СССР в Среднюю Азию (в 1925 г., в качестве руководителя в 1926 и 1927 гг.). Были собраны данные о количестве и породном составе домашних животных, проводились исследования по генетике, в первую очередь по отдалённой межвидовой гибридизации. На основе полученных результатов были составлены планы и рекомендации по улучшению пород домашних животных, их продуктивности, условий содержания. Приобретённый опыт пригодился Добржанскому в его экспедициях по Северной и Южной Америке, а верховая езда стала любимым видом активного отдыха [30, с. 62].

От транслокаций к генетике природных популяций. Генетика и происхождение видов. За океаном Добржанский первое время занимался классической генетикой. Он продолжил изучать действие генов на несколько признаков, составил карту расположения генов в хромосомах *Drosophila melanogaster*, исследовал явление транслокации, воздействие генетических факторов и факторов среды на определение пола у этого вида. Его труды внесли огромный вклад в классическую генетику и стали мостиком к определению генетических основ бесплодности гибридов между двумя другими видами дрозофилы (*D. pseudoobscura* и *D. persimilis*), считавшимися в то время расами А и В одного вида.

Перед отъездом в США в конце 1927 г. Добржанский уже пришёл к пониманию всех основных проблем, которые необходимо было решить на пути к эволюционному синтезу, и в предварительном виде сформулировал главные элементы будущей эволюционной концепции, а также программу исследований процесса образования видов. Она предполагала изучение индивидуальной и расовой наследственной изменчивости в природных популяциях, разделения однородной видовой популяции на две и более рас, постепенной дивергенции рас, превращения дивергирующих рас в самостоятельные виды [10, с. 291]. В то время учёный ещё не мог осуществить синтез, поскольку не обладал подходящими материалами и методами. Свои опыты он провёл самостоятельно уже в США, хотя не

Экспедиция в Среднюю Азию. 1926 г.

без помощи американских коллег, в первую очередь А. Стертеванта и С. Райта [23, с. 13–21, 30–45].

В 1932 г. Ф.Г. Добржанский принял участие в VI Международном генетическом конгрессе в Италии. Доклад С. Райта о механизмах эволюции произвёл на него большое впечатление [31]. До 1935 г. он не делал публикаций по проблемам эволюции и продолжал исследования по классической генетике дрозофилы, приступив к изучению её природных популяций лишь в 1936 г. [23, с. 50]. В тот год Феодосий Григорьевич снова обратился к выступлению Райта, лично встречался с ним и использовал отдельные положения его доклада в знаменитых джесуповских лекциях, прочитанных им по приглашению его друга Л.К. Данна осенью 1936 г., и при написании весной следующего года книги “Генетика и происхождение видов” [23, с. 60, 63]. Ещё в 1935 г. он опубликовал основополагающую статью [32], в которой предложил целостную биологическую концепцию вида, в том числе новое определение вида: “Рассматриваемый динамически вид представляет собой такую стадию эволюционной дивергенции, на которой некогда актуально или потенциально свободно скрещиваемые формы становятся разделёнными на две или более отдельные группы, не способные физиологически к скрещиванию друг с другом. Фундаментальное значение этой стадии обусловлено тем фактом, что

только развитие изолирующих механизмов делает возможным сосуществование в одном и том же географическом районе различных дискретных групп организмов” [32, с. 354]. Эта концепция стала теоретическим ядром упомянутой выше книги.

В конце 1920-х — начале 1930-х годов в ходе изучения генетической изменчивости дрозофилы Добржанский постоянно переписывался со своими коллегами и друзьями из СССР. Эта переписка затем вынужденно прервалась более чем на 20 лет из-за начавшихся наступлений на генетику. В Киеве его корреспондентами были три молодых биолога: Г.И. Шпет — генетик, с 1928 по 1941 г. научный сотрудник Института зоологии и биологии АН УССР, М.М. Левит — зоолог, энтомолог, в начале 1930-х годов научный исследователь кафедры зоологии Киевского сельскохозяйственного института, а в 1934–1936 гг. учёный секретарь Института зоологии АН УССР, С.Я. Парамонов — энтомолог и орнитолог, в 1930–1941 гг. научный сотрудник Зоологического музея АН УССР. В Ленинграде его корреспондентами были прежде всего Ю.Я. Керкис и Н.Н. Медведев, сотрудники Института генетики АН СССР, занимавшиеся генетикой дрозофилы фактически под руководством Феодосия Григорьевича. В Москве его основным адресатом был В.В. Алпатов — в 1931–1948 гг. заведующий лабораторией экологии НИИ зоологии МГУ. В первой

Ф.Г. Добржанский, Н.П. Добржанская и Г.Д. Карпеченко. 1930 г.

половине 1930-х годов Добржанский также переписывался с Н.И. Вавиловым, Г.Д. Карпеченко, Г.А. Левитским, Т.К. Лепиным, Я.Я. Лусом, Б.И. Васильевым, Р.А. Мазинг, М.Л. Бельговским, А.Н. Кириченко и М.Н. Римским-Корсаковым в Ленинграде, Н.П. Дубининым, Б.М. Завадовским и А.С. Серебровским в Москве, И.И. Шмальгаузен и В.А. Караваевым в Киеве.

В письмах из Советского Союза были изложены не только вопросы и просьбы коллег, но и их идеи и размышления, что помогло Феодосию Григорьевичу в его собственных исследованиях и создании биологической концепции вида. В частности, отвечая на одно из его писем, Г.И. Шпет сообщал: “Ваша работа над *pseudoobscura* меня весьма интересует, ведь чем-то близким я занимался над отдельными мутациями *Drosophila melanogaster* — меня интересовало наличие частичной половой изоляции. С этой стороны расы А и В Лансфельда и Ваша работа весьма мне интересны” [14, с. 748]. А вот выдержка из письма М.М. Левита от 30 марта 1934 г.: “Как бы то ни было, а опыты с *pseudoobscura* уже поставлены... Из Вашего письма видно, что и у Вас как раз в это время проделывались вещи, очень близкие к моим. Ну, что ж, параллелизм тут не мешает, тем более что и постановка, кажется, близкая, но не идентичная” [14, с. 635]. В теоретическом и методологическом отношении для Добржанского была особенно важна переписка с С.Я. Парамоновым, в чьём письме от 4 августа 1934 г. высказывалась мысль о важности межвидовой гибридизации, в том числе как средства эксперимента: “Перейду к твоим *Drosophil’ам*. Применяли ли [вы] искусственное осеменение?

Мне кажется, что межвидовое и межродовое скрещивание, сильнее встряхивающее типичную наследственную структуру, должно дать много такого, что в обычном состоянии скрыто, [должно] нарушить обычные связи и вскрыть сущность последних” [14, с. 716]. Таким образом, в первой половине 1930-х годов Добржанский активно обсуждал проблему вида и видообразования, её экспериментальное исследование и работал над её решением со своими коллегами из СССР. Это сотрудничество включало не только обмен идеями и полученными результатами, но и отправку культур дрозофилы в Киев и Ленинград, а также обсуждение теории видообразования и методологии его изучения.

Полученные Ф.Г. Добржанским данные по стерильности гибридов между двумя видами-двойниками *D. pseudoobscura* и *D. persimilis* указывали на то, что репродуктивная изоляция явно носит менделевский характер и обусловлена генами, расположенными на определённых участках хромосом. Учёный показал, что генетика видовых различий и репродуктивная изоляция могут быть рассмотрены с помощью тех же генетических инструментов, которые зарекомендовали себя при исследовании различий внутри видов, и что микроэволюция (внутривидовые изменения) и макроэволюция (межвидовые изменения и изменения более высокого уровня) имеют одну и ту же генетическую основу — мутации в менделевских генах и хромосомные перестройки.

В октябре 1936 г. Добржанский читал лекции в Колумбийском университете. Впоследствии из этих лекций родилась книга “Генетика и происхождение видов” [33], которая стала прорывом в разви-

тии эволюционной мысли XX в. и «может рассматриваться как двойник труда Дарвина “Происхождение видов” в двадцатом столетии» [34, с. 3]. Феодосий Григорьевич заложил генетические основы синтетической теории эволюции, благодаря которой были решены вопросы, стоявшие перед эволюционистами в начале XX в., и окончательно сформирована теория происхождения видов Ч. Дарвина посредством создания биологической концепции вида и её экспериментального обоснования. В ней соединились воедино достижения и подходы генетики, систематики, экологии и дарвинизма. Одновременно эта теория утвердила новые, популяционно-генетические и близкие к ним (в первую очередь точные экспериментальные) методы исследования эволюционных процессов. Она служила программой эволюционно-генетических изысканий в течение более чем трёх десятилетий. В трудах, которые легли в основу синтетической теории эволюции (“Систематика и происхождение видов” Э. Майра [35], “Темпы и формы эволюции” Дж. Симпсона [36], “Изменчивость и эволюция растений” Дж. Стеббинса [37]), концепция Ф.Г. Добржанского была дополнена вопросами видообразования и макроэволюции — процессами, которые протекают в геологическом масштабе времени и приводят к возникновению родов, семейств и других систематических категорий. Кроме того, книга Добржанского запустила процесс организационной перестройки эволюционных исследований, в результате чего в 1946 г. в США было организовано Общество по изучению эволюции и учреждён специальный журнал “Evolution”, первым редактором которого был назначен Э. Майр, друг Добржанского.

Второе издание “Генетики и происхождения видов” вышло в свет в 1941 г., третье — в 1951 г., четвёртая (и последняя) книга под новым названием “Генетика эволюционного процесса” была отпечатана в 1970 г. [38]. Все четыре издания составили целую серию, отразившую изменения в современной эволюционной теории на протяжении трети века.

Генетика природных популяций. Ф.Г. Добржанский вплоть до своей кончины занимался географической и сезонной изменчивостью хромосомных типов у *D. pseudoobscura* и родственных видов. Он установил адаптивные различия между хромосомными типами в зависимости от смены сезонов, температурных колебаний и других эколого-географических факторов среды. Начиная с 1940-х годов он изучал географическую изменчивость хромосомных типов у *D. willistoni*, совершил ряд экспедиций в Бразилию, Чили и Аргентину и выявил даже большую степень многообразия местных форм и географической изменчивости, чем у *D. pseudoobscura*. Часть результатов была опубликована в виде книги под общим названием “Генетика природных популяций” [39], которая послужила основой для развития эволюционной генетики.

На тех же природных и лабораторных популяциях Феодосий Григорьевич наблюдал размах и состав генной изменчивости, в частности, летальные и другие вредные мутации. Эти работы (часть которых была выполнена совместно с учеником Б. Уоллесом) положили начало концепции балансовой генетической структуры популяций, предложенной Добржанским в середине 1950-х годов. Согласно этой концепции, генетический полиморфизм, то есть устойчивое сохранение в популяции двух и более генетически различных групп особей, а также высокая степень генетической изменчивости характерны для обычного состояния генетической структуры природных популяций и лежат в основе эволюционного процесса. Главная роль в создании и поддержании такой структуры принадлежит нескольким формам естественного отбора (отбор в пользу гетерозигот — особей, у которых подобные хромосомы несут различные формы того или иного гена; частотно-зависимый отбор — отбор в пользу редких, генетических и иных форм в популяции).

В конце 1930-х годов Добржанский обратился к изучению изолирующих механизмов, препятствующих скрещиванию особей разных видов. Было показано, что формирование изолирующих механизмов — неотъемлемая часть завершающей стадии процесса видообразования, при этом они представляют собой целый комплекс дополняющих друг друга форм изоляции (географическая, экологическая, этологическая, репродуктивная и др.), в совокупности обеспечивающих целостность генофонда нового вида. В создании и сохранении такого комплекса ведущая роль принадлежит естественному отбору.

В 1950-х годах учёный рассматривал формирование изолирующих механизмов у *D. willistoni* в природе, а в 1960-х годах изучал появление в лабораторных условиях репродуктивной изоляции (одной из основных составляющих комплекса изолирующих механизмов) у тропического вида *D. paulistorum*, включающего шесть полувидов¹. В результате отбора в смешанной популяции в течение пяти лет была достигнута полная неспособность к скрещиванию (репродуктивная изоляция) между формами, которые свободно скрещиваются в природе. Таким образом, было экспериментально смоделировано образование нового вида и доказано, что эволюция на основе отбора может быть стремительной.

Ф.Г. Добржанский подготовил не один десяток выдающихся генетиков-эволюционистов из разных стран, в том числе Б. Уоллеса, Дж. Мура, Р. Левонтина, Ф. Айалу, Д. Маринковича, К. Кримбаса, Э. Безигера. Остались ученики и на родине:

¹ Полувид — группа популяций, настолько морфологически, географически и/или экологически, а иногда и репродуктивно обособленная, что её можно считать молодым видом, который ещё не отделился полностью от предковой формы.

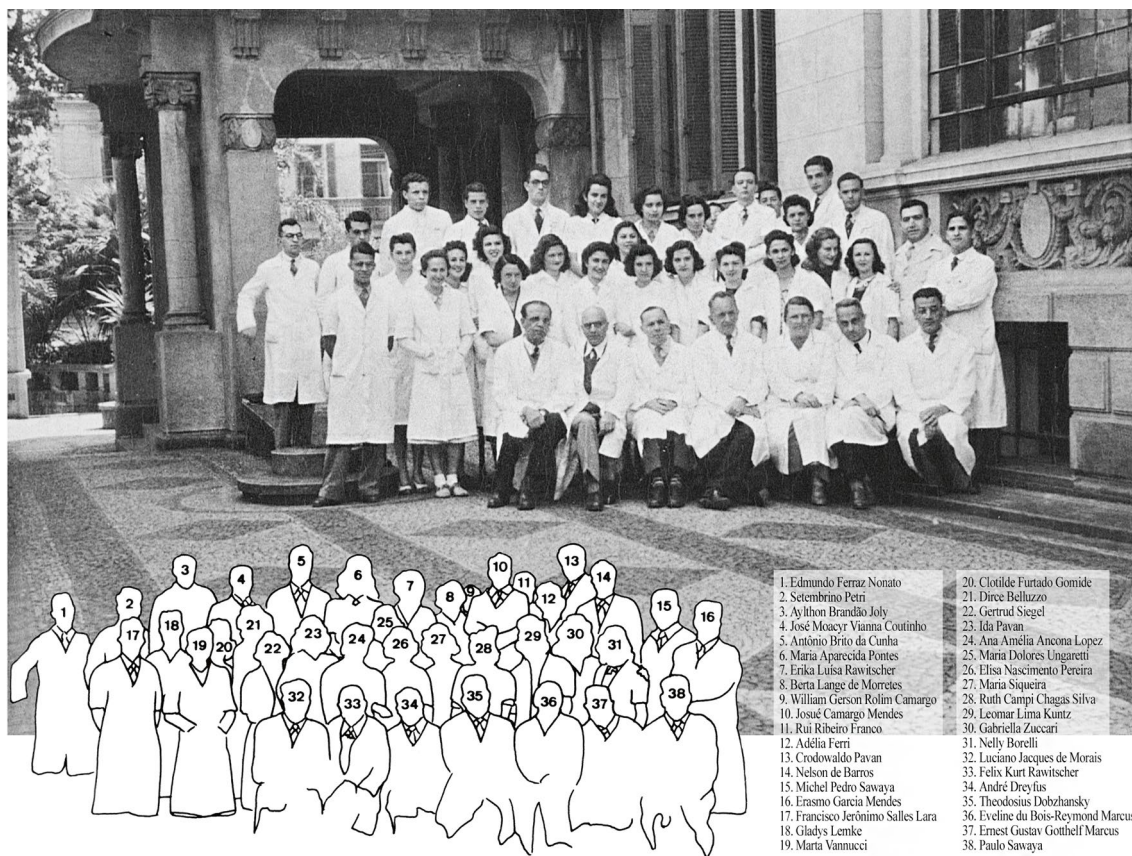
Ю.Я. Керкис, Я.Я. Лус, Н.Н. Медведев, Ю.Л. Горошенко, М.Л. Бельговский. Имена заочных учеников просто невозможно перечислить. Во время пребывания в Бразилии в 1943–1956 гг. Добржанский внёс огромный вклад в развитие генетики в этой стране, а также совместно с бразильским генетиком А. Дрейфусом организовал группу молодых исследователей в Университете Сан-Паулу, в которую вошли К. Паван, А. Брито да Кунья, А.Р. Кордейру и Р. де Баррос. Группа занималась изучением популяционной генетики дрозофилы, уделяя особое внимание хромосомной изменчивости у различных видов в разных штатах Бразилии [5, 6].

Критика лысенкоизма и возрождение отечественной генетики. Ф.Г. Добржанский подвергал критике почти все наиболее значительные неदारвиновские концепции эволюции XX в., в первую очередь лысенкоизм [40]. Когда зарубежные генетики решились на публичное осуждение сначала самого Т.Д. Лысенко и его сторонников, а потом и лысенкоизма как особого феномена в науке XX в., то они (и, конечно же, Феофан Григорьевич) тут же были причислены к реакционерам [41]. В отличие от западных коллег Добржанский непосредственно участвовал в процессе становления и развития советской генетики в 1920-е годы и хорошо знал учёных, ставших жертвами лысенкоизма.

В 1946–1947 гг. Добржанский в своей критике ещё не затрагивал социально-политические и культурно-исторические аспекты лысенкоизма. Он начал с перевода на английский язык книги Т.Д. Лысенко “О наследственности и изменчивости” [42], предоставляя западным читателям возможность самим ознакомиться со взглядами автора и вынести о них собственное суждение. Феофан Григорьевич ограничился доказательством теоретической и экспериментальной несостоятельности притязаний Лысенко [43], а также демонстрацией того, что его “теории” не что иное, как возврат к идеям и гипотезам давно минувшего прошлого.

До 1948 г. Добржанскому и другим западным генетикам казалось, что лысенкоизм не представляет реальной угрозы развитию генетики в СССР. После 1948 г. научное сообщество пришло к выводу, что причины разгрома генетики и воцарения лысенкоизма преимущественно политические. В обстоятельной статье того периода Феофан Григорьевич писал: “Причины краха советской биологии лежат вне биологии или сельского хозяйства” [44, с. 343]. Западные специалисты оценивали лысенкоизм как социально-политическое явление и пытались установить причины его зарождения.

Ф.Г. Добржанский считал, что в СССР отношение власти к науке имело двойственный характер.

Ф.Г. Добржанский (нижний ряд в центре) с бразильскими коллегами. 1943 г.

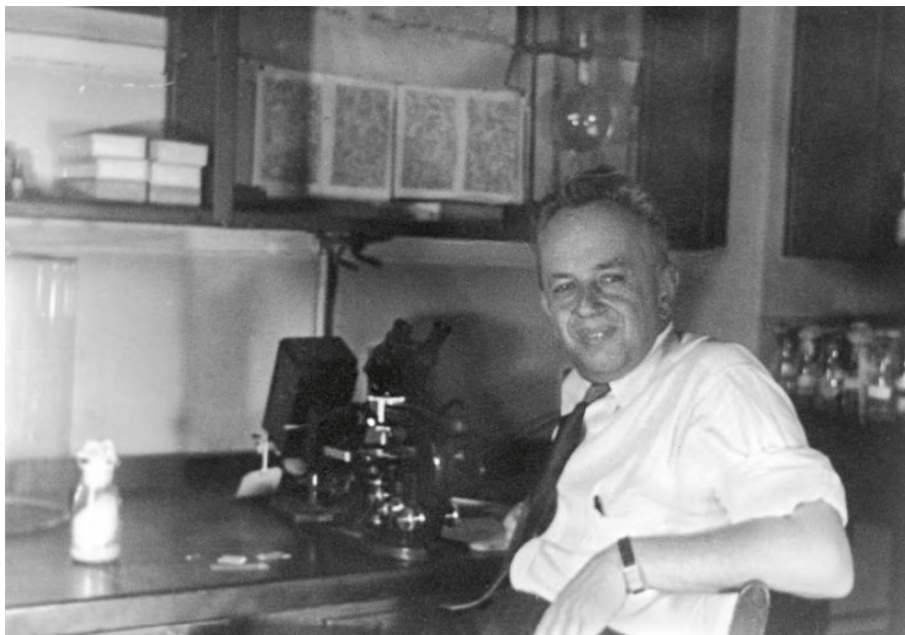
С одной стороны, наука и учёные занимали привилегированное положение: “Жажда знаний среди населения СССР огромна, искренна и трогательна. Конечно, это особенно верно по отношению к молодёжи, но большим уважением наука пользуется и среди старших групп. А кроме того, это уважение никоим образом не ограничивается образованным меньшинством, оно является частью мировоззрения всего сообщества” [45, с. 40]. “Советское правительство последовательно заявляло, с первых дней своего существования по настоящее время, что науке дано право получать и она в действительности получает самую щедрую поддержку от государства” [44, с. 329]. В 1920–1930-е годы “СССР был ведущей страной в области генетики, уступая разве только Соединённым Штатам” [45, с. 40].

Однако у этой золотой медали была и оборотная сторона. Правительство и коммунистическая партия всегда утверждали, что проводимая ими политика строго научная. Политические лидеры, в первую очередь В.И. Ленин и И.В. Сталин, были возведены в ранг научных гениев [44, с. 346]. В итоге проблема истины из гносеологической превратилась в политическую и стала прерогативой коммунистической партии, её Центрального комитета и И.В. Сталина. Добржанский не возражал против контроля за развитием науки как такового, ибо всякое современное общество в определённой степени наблюдает за наукой и использует её. Вопрос лишь в том, “какие формы этого контроля будут иметь место и какими средствами он будет осуществляться” [44, с. 330]. Объективные причины поддержки Т.Д. Лысенко состояли в изменении партийной политики, которая с начала 1930-х годов допускала только такую научную критику, которая способствовала строительству коммунизма... Субъективные мотивы официальной поддержки Лысенко Добржанский усматривал в вере официальных лиц в то, что этому “пионеру” и “новатору” противостоят закоренелые консерваторы [44, с. 346].

Основное отличие позиции Феодосия Григорьевича от мнения западных критиков лысенкоизма заключается в том, что он не ставил знак равенства между коммунистическим мировоззрением (марксизмом) и официальной сталинской идеологией и политикой. Он не поддерживал тех, кто утверждал, что генетика и современная биология идут вразрез с коммунистической идеологией. Ведь биологические и генетические теории вовсе не противоречат идее социального или общественного равенства [44, с. 342]. Добржанский был искренне заинтересован в успешном развитии генетики в СССР, убеждён в её большом потенциале и высоко оценивал достижения советских учёных. В статье “Возрождение генетики в СССР”, которая представляла собой рецензию сразу на шесть книг по генетике, вышедших в СССР в 1960-е годы, он писал, что после господства Т.Д. Лысенко с 1938 по 1963 г. перед советскими учёными встала задача восстановления генетики, и, судя по рецензируемым книгам, они с ней с честью справляются [46, с. 56].

Как только лысенкоизм стал ослабевать, Феодосию Григорьевичу удалось восстановить контакты с коллегами из СССР на XV Зоологическом конгрессе в Лондоне в 1958 г. В день официального начала конгресса, 16 июля 1958 г., он встретился с Ю.И. Полянским, с которым был знаком ещё по Ленинграду, и Е.М. Хейсиным. Он до полуночи просидел с ними в гостинице, помогая написать их доклады по-английски, а ещё они разговаривали о России. По воспоминаниям Добржанского, самыми ценными для него стали беседы с русскими делегатами, хорошие, дружеские, без всяких “перегородок”. Он обзавёлся длинным списком фамилий и адресов коллег из России. В нём были такие известные биологи, как А.Е. Гайсинович, Ю.И. Полянский, Е.М. Хейсин, Р.Л. Берг, Н.П. Дубинин, М.Л. Бельговский, Н.Н. Соколов, Б.Н. Сидоров, А.В. Сахаров, Б.Л. Астауров, В.В. Алпатов, М.С. Навашин, Ю.Я. Керкис, М.М. Камшилов, Д.К. Беляев [17]. Однако по-настоящему переписка возобновилась после XII Генетического конгресса в Токио в 1968 г., в первую очередь с друзьями молодости [47, с. 208, 209]. Феодосий Григорьевич пользовался авторитетом и среди научной молодёжи. Из письма Ю.И. Новожёнова из Свердловска 27 апреля 1967 г.: “Во все времена мы восторгались Вашими опытами и обобщениями и в душе гордились Вами” [15, с. 338]. Стоит отметить, что между Добржанским и его корреспондентами был налажен активный книгообмен, это были не только книги по специальности, но и по истории, искусству, философии, а также художественная литература [21].

От эволюции дрозофилы к эволюции человека. К проблемам эволюции человека Ф.Г. Добржанский обратился уже в 1950-х годах, опубликовав целый ряд статей и книг, а также рецензии на работы других авторов. Основным его трудом стала книга “Эволюционирующее человечество: эволюция человеческого вида” [48], считавшаяся в научных кругах такой же важной, как и его первая книга, и признанная непревзойдённым синтезом генетики, эволюционной теории, антропологии и социологии [49, с. 167]. Её лейтмотив – человеческое разнообразие, расы и эволюция. Согласно Добржанскому, эволюционная теория даёт научное понимание понятию расы, которым долго и часто злоупотребляли. Он не раз критиковал расистские и социал-дарвинистские концепции, подчёркивая, что проблемы равенства и справедливости являются социальными, а не биологическими, и решаться они должны соответствующим образом. В качестве эксперта он участвовал в подготовке Декларации ЮНЕСКО о расе 1950 г. [50, с. 35]. Взяв за основу теорию эволюции и оперируя разнообразными данными о современных расах и предках человека, он доказал, что на протяжении всей своей эволюции человек был единым видом, что все рассуждения о биологической неполноценности или отставании одних рас и превосходстве других абсолютно не-

За рабочим столом. 1959 г.

научны. Феодосий Григорьевич подчёркивал, что биологические, в том числе расовые, различия между людьми — не помеха на пути к действительному человеческому равенству, а, напротив, предпосылка к его достижению.

Добжанский настаивал на том, что человеческая природа имеет две составляющие: биологическую, которая объединяет человечество со всем органическим миром, и культурную, свойственную исключительно человеку. Культурная эволюция протекает по своим собственным законам, и ей, бесспорно, принадлежит ведущая роль в современном мире. Однако она не отменяет эволюцию биологическую, более того — они взаимосвязаны и взаимозависимы.

Философия биологии и предельные вопросы бытия. Ф.Г. Добжанский всегда интересовался “предельными вопросами” бытия [51], в том числе такими философскими проблемами эволюционной биологии, как необходимость и случайность, детерминизм и индетерминизм, вероятностный характер эволюционного процесса. В работе, посвящённой природе научного объяснения в эволюционных исследованиях, он так определяет одну из особенностей детерминизма своего времени (из-за которой он стал обозначаться термином “индетерминизм”): “Индетерминизм является результатом диспропорции между огромной мощностью полового процесса, создающего новые генотипы, и ограниченной мощностью экспериментатора, создающего большие лабора-

Ф.Г. Добжанский, С.И. Алиханян и Д.К. Беляев в кулуарах XII Международного генетического конгресса в Токио. 1968 г.

торные популяции. Мы можем предсказать средний результат и изменение, наблюдаемое в экспериментальных популяциях смешанного географического происхождения” [52, с. 221]. Это утверждение Добржанский обосновывал результатами, которые “в экспериментальных популяциях с хромосомами географически разного происхождения не повторялись и были непредсказуемыми” [53, с. 13, 14]. Исходя из этого, он предложил перенести известный в физике принцип неопределённости на биологию. В целом эволюция есть “творческий процесс, потому что она создаёт новое, которое никогда не существовало в прошлом. Генотип каждой личности, каждой мушки или каждого зернового растения отличается от всякого другого... Творческая эволюция подобна творчеству художника” [53, с. 17, 19].

Далеко не случайно в своей последней работе по философским проблемам синтетической теории эволюции он писал о диалектике биологической эволюции [54]. В ней также затронута проблема детерминизма, в частности, вопрос о соотношении случайности и причинности в эволюции: “Случайное событие не является акаузальным, и не является манифестацией некоего принципа спонтанности, присущего живой природе”. Далее приводится высказывание Э. Нэгеля, который, вслед за Г.В. Плехановым, определяет случайное событие как такое, которое происходит на пересечении двух независимых каузальных цепей [54, с. 313]. Рассматривая эволюцию человека, Добржанский прямо указывает на необходимость обращения к диалектическому материализму в эволюционном исследовании: «Мы не возникли благодаря случаю и не были предопределены возникнуть. В эволюции случайность и предопределение не альтернативны. Здесь один из тех случаев в научной теории, когда мы должны призвать некую разновидность гегельянской или марксистской диалектики. Мы нуждаемся в синтезе “тезиса” случайности с “антитезисом” предопределённости» [54, с. 329].

Ф.Г. Добржанский всегда был верующим, но наиболее сильно он утвердился в вере, когда переосмыслил религиозные ответы на “предельные вопросы” бытия и поставил сами эти вопросы по-новому, эволюционно. Он пришёл к ряду мировоззренческих и общекультурных выводов и делился ими не только с коллегами, но и с другими людьми. Он попытался обосновать и оправдать свою веру в Бога с помощью эволюционной теории, совместить науку, в первую очередь эволюционную теорию, и религию. Однако его порывы не встретили того понимания, на которое он рассчитывал, ни среди учёных, ни среди деятелей церкви и теологов [55].

Наблюдения странствующего натуралиста. Помимо непосредственного вклада в науку, большое значение имеют неопубликованное интервью Ф.Г. Добржанского американской журналистке Б. Лэнд [18, 56], на основе которого она впослед-

ствии написала биографическую книгу [57], а также его личный архив [16], состоящий главным образом из переписки с зарубежными и отечественными учёными и дневника [15]. Дневник богат и разнообразен по содержанию. Прежде всего Феодосия Григорьевича интересовала природа, которой он восхищался везде, где только можно: через иллюминатор самолёта, из автомобиля, с палубы парохода, с лодки, верхом на лошади, во время пеших прогулок. При этом он делал записи не только как естествоиспытатель и натуралист, но и благодаря образованности и начитанности как этнограф, антрополог и культуролог.

В дневнике описаны эпизоды и фигуры из истории отечественной и зарубежной академической и университетской науки, особенности экономики, политики, культуры, повседневной жизни в тех странах, где Добржанскому довелось побывать, судьбы людей, в том числе русских эмигрантов в США и других странах. Он часто давал оценки событиям и людям разного социального положения, взглядов и характеров, в первую очередь учёным, что позволяет получить достаточно полное представление о мировоззрении автора, по его собственному выражению, “интеллигента со старорусской подкладкой”, его убеждениях и вкусах, вере, политических и иных пристрастиях, личных симпатиях и антипатиях, характере и отношении к родине.

Для понимания отношения Ф.Г. Добржанского к Советскому Союзу наиболее показательны записи 1942–1943 гг., а также конца 1940-х — начала 1950-х годов, когда угроза ядерной войны между США и СССР была вполне реальной. Но, наверное, самыми яркими были две краткие записи. Первая — 17 января 1960 г. в Дели: “Наконец отправились на с.-х. выставку, где собирались посмотреть американский и русский павильоны. Но именно это собирались делать так много других людей, и поэтому стояли столь длинные очереди, что нам пришлось уйти несолоно хлебавши. Или вернее — видели, что в мире остались только 2 великие державы. Остальное — мелюзга, и в их павильоны можно было идти свободно, но мало кто этим интересовался!” [15]. Вторая — 31 августа 1970 г. в Австрии после прогулки по берегу Дуная: «Мимо плыли 3 огромные баржи и тянувший их пароход “Курск”. Куда едут и что везут, не знаю, но плавали ли по Дунаю русские пароходы при царе-батюшке?» [15].

Человек — незаконченный эксперимент. Итог жизни Ф.Г. Добржанского может быть охарактеризован, хотя и не полностью, одной краткой формулой, принадлежащей ему самому: “Ничто в биологии не имеет смысла, кроме как в свете эволюции”. Эту фразу учёный впервые использовал в качестве названия для доклада, с которым выступил на заседании Национальной ассоциации американских учителей биологии [58]. Неполнота этого афоризма в том, что, несмотря на всю приверженность Добржан-

ского науке, не познание эволюции было для него самоцелью. Он часто повторял, что знание биологии и эволюции необходимо для того, чтобы человек лучше понимал себя и своё место во Вселенной, что он — “незаконченный эксперимент”, и научился управлять эволюцией собственной и всего того мира, органической частью которого он является, делал себя и мир лучше.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Богданов Н.Н.* Его родословная // Природа. 2000. № 12. С. 65–67.
Bogdanov N.N. His pedigree // Priroda. 2000, no. 12, pp. 65–67. (In Russ.)
2. *Захаров И.А.* К 100-летию Феодосия Григорьевича Добржанского // Генетика. 2000. № 2. С. 297–298.
Zakharov I.A. On the 100th anniversary of Feodosiy Grigorievich Dobzhansky // Genetics. 2000, no. 2, pp. 297–298. (In Russ.)
3. *Конашев М.Б.* Учёный в разделённом мире: Ф.Г. Добржанский и становление биологии в начале века // Науковедение. 2000. № 3. С. 209–224.
Konashev M.B. Scientist in the Divided World: Th. Dobzhansky and the Formation of Biology at the Beginning of the Century // Naukovedenie. 2000, no. 3, pp. 209–224. (In Russ.)
4. *Barahona A., Ayala F.J.* Theodosius Dobzhansky's role in the emergence and institutionalization of genetics in Mexico // Genetics. 2005, vol. 170, pp. 981–987.
5. *de Araujo A.M.* Spreading the evolutionary synthesis: Theodosius Dobzhansky and genetics in Brazil // Genetics and Molecular Biology. 2004, vol. 27, pp. 467–475.
6. *de Carvalho T.B.* Modern Evolutionary Biology and Brazilian Population Genetics: Theodosius Dobzhansky at the University of São Paulo // Perspectives on Science. 2020, vol. 28, pp. 223–243.
7. *Depew D.J.* Richard Lewontin and Theodosius Dobzhansky: Genetics, Race, and the Anxiety of Influence // Biological Theory. 2024, vol. 19, pp. 151–167.
8. *Farber P.L.* Dobzhansky and Montagu's Debate on Race: The Aftermath // J. Hist. Biol. 2016, vol. 49, pp. 625–639.
9. *Konashev M.B.* Th. Dobzhansky and the Development of Evolutionary Biology in the USSR // Hist. Sci. 2019, vol. 57, pp. 346–371.
10. *Konashev M.B.* The Russian Backdrop to Dobzhansky's Genetics and the Origin of Species // J. Hist. Biol. 2023, vol. 56, pp. 285–307.
11. *Smocovitis V.B.* Keeping up with Dobzhansky: G. Ledyard Stebbins, Jr., plant evolution, and the evolutionary synthesis // Hist. Philos. Life Sci. 2006, vol. 28, pp. 9–47.
12. *van der Meer J.M.* Theodosius Dobzhansky (1900–1975) // Eminent Lives in Twentieth-Century. Science & Religion / Ed. by N.A. Rupke. N.Y.—Oxford: Peter Lang, 2007. Pp. 79–101.
13. *Welch J.J.* Accumulating Dobzhansky-Muller incompatibilities: reconciling theory and data // Evolution. 2004, vol. 58, pp. 1145–1156.
14. Максимум возможного (Переписка Ф.Г. Добржанского с отечественными биологами: 1920–1970 гг.). Ч. 1. Переписка Ф.Г. Добржанского с отечественными биологами: 1920–1930-е гг. / Ред.-сост. М.Б. Конашев. СПб.: Нестор-История, 2014.
The maximum possible (Th. Dobzhansky's correspondence with Russian biologists: 1920–1970). Part 1. Th. Dobzhansky's correspondence with Russian biologists: 1920–1930 / Ed.-comp. M.B. Konashev. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2014. (In Russ.)
15. Максимум возможного (Переписка Ф.Г. Добржанского с отечественными биологами: 1920–1970 гг.). Ч. 2. Переписка Ф.Г. Добржанского с отечественными биологами: 1950–1937-е гг. / Ред.-сост. М.Б. Конашев. СПб.: Нестор-История, 2019.
The maximum possible (Th. Dobzhansky's correspondence with Russian biologists: 1920–1970). Part 2. Th. Dobzhansky's correspondence with Russian biologists: 1950–1937 / Ed.-comp. M.B. Konashev. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2019. (In Russ.)
16. *Конашев М.Б.* Личный архив Ф.Г. Добржанского в библиотеке Американского философского общества // Отечественные архивы. 2024. № 5. С. 84–95.
Konashev M.B. Personal archive of Th. Dobzhansky in the Library of the American Philosophical Society // Russian archives. 2024, no. 5, pp. 84–95. (In Russ.)
17. APSL (American Philosophical Society Library). B:D 65. Th. Dobzhansky Papers. Notebooks. Box 1–3. 1934–1975.
18. *Dobzhansky Th.* The Reminiscences of Theodosius Dobzhansky. Part I. N.Y.: Columbia University, Oral History Research Office, 1962.
19. *Конашев М.Б.* Страсти по Феодосию, или как и почему Ф.Г. Добржанский стал “невозвращенцем” // Вестник ВОГиС. 2013. № 1. С. 202–209.
Konashev M.B. Passions for Feodosiy, or how and why Th.G. Dobzhansky became a “defector” // Vavilov Journal of Genetics and Breeding. 2013, no. 1, pp. 202–209. (In Russ.)
20. *Дубинин Н.П.* История и трагедия советской генетики. Философские проблемы генетики. М.: Наука, 2002.
Dubin N.P. The history and tragedy of Soviet genetics. Philosophical problems of genetics. Moscow: Nauka, 2002. (In Russ.)
21. *Конашев М.Б.* Отечественные генетики на родине и за рубежом: наука, книга, общество // На переломе. Отечественная наука в конце XIX–XX века: источники, исследования, историография. Вып. 3 / Под ред. Э.И. Колчинского, М.Б. Конашева. СПб.: Нестор-История, 2005. С. 361–389.

- Konashev M.B.* Russian geneticists on the native land and abroad: science, book, and society // At the breaking point. Russian science in the late 19th – 20th century: sources, research, historiography. Iss. 3 / Ed. by E.I. Kolchinsky, M.B. Konashev. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2005. Pp. 361–389. (In Russ.)
22. *Конашев М.Б.* Как Николай Владимирович перебежал дорогу Феодосию Григорьевичу (об одном из аспектов несостоявшегося переезда Н.В. Тимофеева-Ресовского в США) // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция. М.: ИИЕТ РАН, 2023. С. 301–303.
Konashev M.B. How Nikolai Vladimirovich crossed the road to Theodosius Grigorievich (on one of the aspects of the failed move of N.V. Timofeev-Resovsky to the USA) // S.I. Vavilov Institute of the History of Natural Sciences and Technology. Annual Scientific conference. Moscow: IHST RAS, 2023. Pp. 301–303. (In Russ.)
23. *Provine W.B.* Origins of the genetics of natural populations series // Dobzhansky's genetics of natural populations I-XLIII / Ed. by R.C. Lewontin et al. N.Y.: Columbia University Press, 1981. Pp. 1–83.
24. *Добжжанский Ф.Г.* Описание нового вида рода *Coccinella* из окрестностей Киева // Материалы к познанию фауны Юго-Западной России, издаваемые Киевским орнитологическим обществом имени К.Ф. Кесслера. 1917. Вып. 2. С. 46–47.
Dobzhansky Th. Description of a new species of the genus *Coccinella* from the vicinity of Kiev // Materials for the knowledge of the fauna of Southwestern Russia, published by the Kiev Ornithological Society named after K.F. Kessler. 1917, iss. 2, pp. 46–47. (In Russ.)
25. *Dobzhansky Th.* Die geographische und individuelle Variabilität von *Harmonia axyridis* Pallas in ihren Wechselbeziehungen // Biol. Zentralbl. 1924, Bd. 44, S. 401–421.
26. *Добжжанский Ф.Г.* Материалы для фауны *Coccinelidae* Семиречья // Русское энтомологическое обозрение. 1927. Т. 21. № 1–2. С. 43–52.
Dobzhansky Th. Materials for the *Coccinelidae* fauna of the Semirechye region // Russian Entomological Review. 1927, vol. 21, no. 1–2, pp. 43–52. (In Russ.)
27. *Dobzhansky Th.* The North American beetles of the genus *Coccinella* // Proc. U.S. Nat. Mus. 1931, vol. 80, pp. 1–32.
28. *Dobzhansky Th.* Über den Bau des Geschlechtsapparats einiger Mutanten von *Drosophila melanogaster* Meig. // Z. Indukt. Abstamm. Vererbungsl. 1924, Bd. 34, S. 245–248.
29. *Dobzhansky Th.* Studies on the manifold effect of certain genes in *Drosophila melanogaster* // Z. Indukt. Abstamm. Vererbungsl. 1927, Bd. 43, S. 330–388.
30. *Конашев М.Б. Ф.Г.* Добжжанский: генетик, эволюционист, гуманист // Вопросы истории естествознания и техники. 1991. № 1. С. 56–71.
Konashev M.B. Th. Dobzhansky: geneticist, evolutionist, humanist // Problems of the history of natural science and technology. 1991, no. 1, pp. 56–71. (In Russ.)
31. *Wright C.* The roles of mutation, inbreeding, crossbreeding, and selection in evolution // Proc. 6th Int. Cong. Genetics. 1932, vol. 1, pp. 356–366.
32. *Dobzhansky Th.* A critique of the species concept in biology // Philos. Sci. 1935, vol. 2, pp. 344–355.
33. *Dobzhansky Th.* Genetics and the Origin of Species. (Columbia Biological Series, no. 11.) N.Y.: Columbia University Press, 1937; 2nd ed., 1941; 3rd ed., 1951.
34. *Ayala F.* “Nothing in biology make sense except in the light of evolution”. Theodosius Dobzhansky: 1900–1975 // J. Hered. 1977, vol. 68, pp. 3–10.
35. *Mayr E.* Systematics and the Origin of Species. N.Y.: Columbia University Press, 1942.
36. *Simpson G.G.* Tempo and Mode in Evolution. N.Y.: Columbia University Press, 1944.
37. *Stebbins G.L.* Variation and Evolution in Plants. N.Y.: Columbia University Press, 1950.
38. *Dobzhansky Th.* Genetics of the Evolutionary Process. N.Y.–London: Columbia University Press, 1970.
39. Dobzhansky's genetics of natural populations I-XLIII / Ed. by R.C. Lewontin et al. N.Y.: Columbia University Press, 1981.
40. *Конашев М.Б.* “На поприще клеветы против советских биологов” (критика Ф.Г. Добжжанским лысенкоизма) // Эволюционная биология. Труды Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей. 1994. Т. 90. Вып. 1. С. 60–74.
Konashev M.B. “In the field of slander against Soviet biologists” (Th. Dobzhansky's criticism of lysenkoism) // Evolutionary Biology. Proceedings of the St. Petersburg Society of Natural Scientists. 1994, vol. 90, iss. 1, pp. 60–74. (In Russ.)
41. *Лантнев И.* Антипатриотические поступки под флагом “научной” критики // Правда. 2 сентября 1947 г.
Laptev I. Anti-patriotic acts under the banner of “scientific” criticism // Pravda. September 2, 1947. (In Russ.)
42. *Lysenko T.D.* Heredity and Its Variability / Transl. by Th. Dobzhansky. N.Y.: King's Crown Press, 1946.
43. *Dobzhansky Th.* Lysenko's “genetics” // J. Hered. 1946, vol. 37, pp. 5–9.
44. *Dobzhansky Th.* The crisis in Soviet biology // Ed. by E.J. Simmons. Continuity and Change in Russian and Soviet Thought. Cambridge: Harvard University Press, 1955. Pp. 329–346.
45. *Dobzhansky Th.* Lysenko's “michurinist” genetics // Bull. Atomic Scientists. 1952, vol. 8, pp. 40–44.

46. *Dobzhansky Th.* Revival of genetics in the USSR // *Quart. Rev. Biol.* 1968, vol. 43, pp. 56–59.
47. *Конашев М.Б.* Ровесник генетики, ровесник века: Ф.Г. Добржанский (1900–1975 гг.) // *Деятели русской науки XIX–XX веков. Вып. 4.* СПб.: Нестор-История, 2008. С. 193–228.
Konashev M.B. The same age as genetics, the same age as the century: Th. Dobzhansky (1900–1975) // *Figures of Russian science of the XIX–XX centuries. Iss. 4.* St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2008. Pp. 193–228. (In Russ.)
48. *Dobzhansky Th.* *Mankind Evolving: The Evolution of the Human Species.* New Haven: Yale University Press, 1962.
49. *Ayala F.J.* Theodosius Dobzhansky // *Biogr. Mem. Nat. Acad. Sci.* 1985, vol. 55, pp. 163–213.
50. Four statements on the race question. Paris: Unesco, 1969.
51. *Dobzhansky Th.* *The Biology of Ultimate Concern.* N.Y.: The New American Library, 1967.
52. *Dobzhansky Th.* Scientific explanation: Chance and antichance in organic evolution // Ed. by B. Baumrin. *Philosophy of Science. Vol. 1.* N.Y.: Interscience, 1963. Pp. 209–222.
53. *Добржанский Т.* Детерминизм и индетерминизм в биологии // *Философские вопросы биологии и биокibernетики.* 1970. Вып. 3. С. 5–19.
Dobzhansky Th. Determinism and indeterminism in biology // *Philosophical issues of biology and biocybernetics.* 1970, iss. 3, pp. 5–19. (In Russ.)
54. *Dobzhansky Th.* Chance and creativity in evolution // Ed. by F.J. Ayala, Th. Dobzhansky. *Studies in the Philosophy of Biology.* N.Y.: Macmillan Press, 1974. Pp. 307–338.
55. *Конашев М.Б.* Добржанский и религия // *Человек.* 2010. № 1. С. 30–48.
Konashev M.B. Dobzhansky and religion // *Chelovek.* 2010, no. 1, pp. 30–48. (In Russ.)
56. *Dobzhansky Th.* *The Reminiscences of Theodosius Dobzhansky. Part II.* N.Y.: Columbia University, Oral History Research Office, 1963.
57. *Land B.* *Evolution of a Scientist: The Two Worlds of Th. Dobzhansky.* N.Y.: Thomas Y. Crowell Company, 1973.
58. *Dobzhansky Th.* Nothing in biology makes sense except in the light of evolution // *The American Biology Teacher.* 1973, vol. 35, pp. 125–129.

“NO, OBVIOUSLY THAT’S NOT MY NATURE”

ON THE 125th ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF TH. DOBZHANSKY

M.B. Konashev^{a,*}

^a*Saint Petersburg Branch of the S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia*

^{*}*E-mail: mbkonashev@mail.ru*

Russian and foreign archival materials reflect the enormous contribution of Th. Dobzhansky, a Russian and American geneticist, evolutionist and humanist, to the development of evolutionary biology in the 20th century, primarily genetics and the synthetic theory of evolution. No less interesting is the multifaceted personality of the scientist: his worldview and faith, cultural interests, beliefs and political views, his opinion of colleagues, historical and political figures, emigrants from tsarist Russia and the USSR, whom he met in the USA and other countries during expeditions and work trips. His attitude to his homeland and his perception of scientific and political events in the USSR and other countries in the context of national and world history are particularly emphasized.

Keywords: Th. Dobzhansky, genetics, evolutionary theory, emigration, Russians abroad, history of science.